

Молотилкин Сергей Витальевич

ДЕЯТЕЛЬНОЕ РАСКАЯНИЕ КАК ФОРМА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СОВЕТСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ

Статья посвящена исследованию института деятельного раскаяния в советском уголовном законодательстве. Выделены и проанализированы особенности освобождения от уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступления, при проявлении ими деятельного раскаяния и выполнении установленных позитивных постпреступных действий. Автор дает характеристику нормативным правовым актам, по которым осуществлялось освобождение от уголовной ответственности, и видам преступлений, по которым уголовно-правовые меры воздействия на виновного заменялись на освобождение от наказания. Акцентируется внимание на том, что за проявление деятельного раскаяния виновному не только смягчалось установленное наказание, но и следовало за это освобождение от уголовной ответственности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-1/35.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. I. С. 142-145. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

19. *Notitiae episcopatum Ecclesiae Constantinopolitanae* / ed. par J. Darrouzes. Paris, 1981. 524 p.
20. *Schlumberger G.* Sigillographie de l'empire byzantine. Paris, 1884. 750 p.
21. *Seibt W.* Die byzantinischen Bleisiegel in Osterreich. Wien, 1978. 1. Teil. Kaiserhof. 350 S.
22. *Seibt W.* Metropolitен und Herrscher der Alanen auf byzantinischen Siegeln Des 10.-12. Jahrhunderts // Новое в византийской сфрагистике. СПб., 2003. С. 50-59.

SIGNIFICANCE OF ANTI-CHURCH DEMARCHE OF 931 IN CHRISTIAN HISTORY OF ALANIA

Mamiev Mikhail Ernestovich, Ph. D. in History
Institute of History and Archaeology of the Republic of North Ossetia-Alania
mikhailmamiev@yandex.ru

The article deals with one of the important episodes of the Christian history of Alania connected with the deportation of the Byzantine clergy in 931. This event is usually given as the evidence of the superficial perception of Christianity within the Alanian society. The undertaken analysis of the system of non-simultaneous and diverse sources leads to the opposite conclusion – about the quick and deep integration of the Alanian society and state into the Eastern Christian civilization.

Key words and phrases: Alania state; Christianity; Khazar Khaganate; political opposition; Byzantium; sermon; Christianization; Alanian eparchy.

УДК 34:343.234.5

Юридические науки

Статья посвящена исследованию института деятельного раскаяния в советском уголовном законодательстве. Выделены и проанализированы особенности освобождения от уголовной ответственности лиц, виновных в совершении преступления, при проявлении ими деятельного раскаяния и выполнении установленных позитивных постпреступных действий. Автор дает характеристику нормативным правовым актам, по которым осуществлялось освобождение от уголовной ответственности, и видам преступлений, по которым уголовно-правовые меры воздействия на виновного заменялись на освобождение от наказания. Акцентируется внимание на том, что за проявление деятельного раскаяния виновному не только смягчалось установленное наказание, но и следовало за это освобождение от уголовной ответственности.

Ключевые слова и фразы: деятельное раскаяние; уголовная ответственность; наказание; освобождение от уголовной ответственности; освобождение от наказания.

Молотилкин Сергей Витальевич

Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова
okmsvzo@yandex.ru

ДЕЯТЕЛЬНОЕ РАСКАЯНИЕ КАК ФОРМА ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ПО СОВЕТСКОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ[©]

По советскому уголовному законодательству за проявление деятельного раскаяния предусматривалось освобождение от уголовной ответственности или следовало значительное смягчение установленного наказания. Отказ от применения карательных мер обусловлен желанием законодателя повысить эффективность в раскрытии и расследовании отдельных видов преступлений, а также снизить уровень латентной преступности. В этот исторический период освобождение от уголовной ответственности осуществлялось только по специальным основаниям [2, с. 42]. Советское уголовное законодательство и отдельные нормативные акты освобождали от установленной ответственности лиц, виновных в совершении государственной измены, дезертирства, взяточничества, незаконного оборота оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ, а также наркотиков.

После октябрьской революции 1917 г. в стране победившего пролетариата установилась анархия, которая не позволяла в кратчайшие сроки создать новый кодифицированный уголовный закон, в результате чего наравне с нормативными актами советской власти использовалось дореволюционное законодательство. В частности, при осуждении лиц, виновных в совершении уголовных преступлений, применялось Уложение о наказаниях уголовных и исправлениях 1845 г. Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде» устанавливал, что дореволюционное законодательство могло применяться только в том случае, когда оно не противоречило социалистическому правосознанию [12]. В качестве источников уголовного права в первые годы становления советской власти помимо уголовного закона выступали: обращения, декреты, постановления, декларации, а также судебная практика. При этом решение вопросов, не урегулированных нормами права, основывалось на революционном правосознании.

Одним из первых видов преступлений, с которым советская власть провозгласила борьбу, являлось взяточничество. Причем привилегии в виде освобождения от установленной ответственности получали не только взяточдатели, но и посредники во взяточничестве. Декрет СНК РСФСР от 8 мая 1918 г. «О взяточничестве»

освобождает от уголовного преследования взяточдателей, если они сообщали властям о совершенном ими преступлении в течение трех месяцев со дня издания настоящего Декрета [8]. Впоследствии Декрет СНК РСФСР от 16 августа 1921 г. «О борьбе со взяточничеством» освобождает от наказания взяточдателей, если они своевременно заявляли о вымогательстве у них взятки или оказывали содействие в раскрытии дела о взяточничестве [7, с. 24].

В годы гражданской войны резко повысилось число дезертирств из Красной Армии, что могло поставить под угрозу существование молодого советского государства. Для борьбы с данным видом преступлений Советом рабочей и крестьянской обороны было издано два постановления. Первое постановление от 25 декабря 1918 г. «О дезертирстве» устанавливало освобождение от наказания дезертиров, которые добровольно явились в расположение воинской части в течение двух недель со дня издания особого приказа [9]. Согласно второму постановлению от 3 июня 1919 г. «О мерах по искоренению дезертирства», от суда и наказания освобождались уже не только дезертиры, но и уклонисты от мобилизации [10].

По УК РСФСР 1922 г. [15] взяточдатель освобождался от наказания, если своевременно сообщал о вымогательстве у него взятки и раскрывал обстоятельства совершенного преступления (ст. 114). Аналогичная норма содержалась в УК РСФСР 1926 г. [16], только от уголовной ответственности помимо взяточдателя освобождался еще и посредник во взяточничестве (ст. 118). Взяткодатель или посредник во взяточничестве не подвергались уголовному преследованию, если имело место вымогательство взятки в отношении указанной категории лиц. Для применения данной нормы взяточдатель или посредник во взяточничестве должны были в добровольном порядке немедленно сообщить о передаче материальных ценностей.

Согласно секретному приказу от 21 июня 1937 г. № 082, подписанному совместно комиссарами обороны и внутренних дел СССР и завизированному Прокурором СССР, от установленной ответственности освобождались военнослужащие, принимавшие участие в деятельности контрреволюционных и вредительских фашистских организаций. Для этого необходимо было чистосердечное раскаяние и сообщение без утаивания всех обстоятельств совершенного преступления. В отношении данной категории военнослужащих уголовные дела не возбуждались, задержания и аресты не проводились, одновременно рассматривался вопрос о возможности использования виновных на службе в РККА [6, с. 37].

Во время Великой Отечественной войны меняется законодательство в сторону ужесточения уголовных репрессий. По этому поводу И. А. Исаев пишет, что «уголовная ответственность стала применяться за действия, ранее наказуемые в административном порядке» [5, с. 5]. Но, несмотря на это, в нормативных актах предусматривались основания, по которым виновный мог быть освобожден от установленной ответственности. В частности, постановление Государственного Комитета Обороны от 16 января 1942 г. № 1156 «О сдаче трофейного имущества» предписывало жителям населенных пунктов, освобожденных Красной Армией от фашистских захватчиков, в 24 часа добровольно сдать трофейное оружие и военную амуницию, в противном случае их ждало уголовное преследование [11].

Уголовной ответственности не подлежали и дезертиры. Так, согласно постановлению Пленума Верховного Суда СССР от 22 января 1942 г. «О применении наказания за дезертирство», от расстрела в военное время освобождались дезертиры, явившиеся с повинной и раскаявшиеся в совершении противоправных действий [1, с. 107]. Вынесенный военным трибуналом приговор рассмотрению в кассационной инстанции не подлежал. А. В. Хмелева указывает, что приговор о расстреле мог быть приведен в исполнение в течение 72 часов, если от Военной коллегии Верховного суда или соответствующего прокурора не поступало заявления о приостановлении действия, вынесенного ранее приговора [18, с. 24]. Во время войны широко применялась отсрочка от исполнения приговоров для лиц, виновных в совершении различных видов преступлений. Виновные отправлялись на фронт для участия в боевых действиях. За проявление героизма следовали освобождение от установленного наказания и снятие судимости.

В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 года «Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов», от ответственности освобождались советские граждане, искупившие свою вину перед отечеством патриотической деятельностью или явившиеся с повинной [13]. Норма применялась к лицам, находящимся за границей, которые во время войны оказывали помощь фашистам, а в послевоенный период были вовлечены в деятельность антисоветских организаций. По большому счету, данный документ носил декларативный характер, поскольку после возвращения человека на Родину его признавали виновным в совершении другого преступления и приговаривали к длительному сроку заключения или к расстрелу.

Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, принятые в 1958 году, заложили основы для развития советского уголовного права [14]. Данный нормативный акт содержал обстоятельства, оказывающие влияние на смягчение установленной ответственности, если в действиях виновного имелось деятельное раскаяние и выполнение позитивных постпреступных действий. Наказание смягчалось, когда виновный предотвращал негативные последствия совершенного им преступления или добровольно возмещал потерпевшему нанесенный ущерб. Кроме указанных обстоятельств, наказание смягчалось за чистосердечное раскаяние или дачу явки с повинной. При рассмотрении вопроса о смягчении установленного наказания суд вправе был руководствоваться и другими обстоятельствами, носящими объективный характер. При этом уголовное законодательство союзных республик могло содержать иной перечень смягчающих обстоятельств.

В 1960 г. принимается новый УК РСФСР [17], сохранивший некоторые черты Основ уголовного законодательства СССР и союзных республик 1958 г. Перечень смягчающих ответственность обстоятельств был расширен таким позитивным постпреступным действием как активное содействие раскрытию совершенного

преступления (п. 9 ст. 38). Следует отметить, что смягчающие обстоятельства учитывались судом при назначении наказания виновному (ст. 37). Суд вправе был назначить наказание ниже низшего предела или перейти к более мягкому виду наказания, если в действиях виновного присутствовали смягчающие обстоятельства (ст. 43). УК РСФСР 1960 г. не связывал выполнение установленных позитивных постпреступных действий с освобождением от уголовной ответственности. За проявление деятельного раскаяния предусматривалось лишь смягчение установленной ответственности и наказания.

По УК РСФСР 1960 г. взяткодатель не привлекался к ответственности, если он после дачи взятки в добровольном порядке сообщал о случившемся (примечание к ст. 174). За незаконный оборот оружия, боеприпасов и взрывчатых веществ от ответственности освобождалось лицо, добровольно сдавшее указанные предметы и вещества, незаконно хранившиеся у него (примечание к ст. 218). От уголовной ответственности освобождалось лицо, осуществлявшее незаконный оборот наркотиков. Кроме этого, ответственности не подлежало лицо, обратившееся в медицинское учреждение за помощью в связи с употреблением наркотиков в немедицинских целях (примечание к ст. 224). Между тем, УК РСФСР 1960 г. не предусматривал возможности освобождения от уголовной ответственности лиц, виновных в совершении дезертирства, хотя нормативные акты прошлых лет не исключали такой возможности.

За государственную измену по УК РСФСР 1960 г. гражданин СССР освобождался от уголовной ответственности, если добровольно сообщал в органы власти о своей связи с иностранной разведкой и не выполнял ее поручений (ст. 64). Первоначально в статье указывалось, что виновный «не подлежал уголовной ответственности», если выполнял установленные настоящей статьей постпреступные действия. Впоследствии термин «не подлежал уголовной ответственности» был заменен на «освобождается от уголовной ответственности». Как указывает Е. Л. Забарчук, замена одного термина на другой придала норме более точное содержание, поскольку термин «не подлежал уголовной ответственности» употреблялся к случаям, когда в действиях виновного отсутствовал состав преступления, тогда как вербовка предполагает состав оконченного преступления [4, с. 85].

За совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения виновный от уголовной ответственности не освобождался. Данную норму содержали практически все нормативные акты советского периода, кроме постановления Наркомюста РСФСР от 12 декабря 1919 г. «Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р.» и Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. [3, с. 56]. Наоборот, совершение преступления в состоянии алкогольного опьянения по советскому законодательству всегда рассматривалось как обстоятельство, отягощающее установленное наказание.

В заключение можно констатировать, что развитие института деятельного раскаяния осуществлялось в течение десятилетий на основе накопленного законодательного и правоприменительного опыта воздействия на постпреступное поведение лица, находящегося в конфликте с уголовным законом. Одной из важнейших задач каждого цивилизованного государства является противодействие преступности, где уголовная ответственность перестает рассматриваться как единственная реакция государства на совершенное правонарушение.

Список литературы

1. Аликперов Х. Д. Преступность и компромисс. Баку, 1992. 196 с.
2. Антонов А. Г. Специальные основания освобождения от уголовной ответственности: дисс. ... д.ю.н. Томск, 2013. 357 с.
3. Вилкова А. В., Спасенников Б. А. Уголовная ответственность лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения (историко-правовой аспект) // История государства и права. 2015. № 1. С. 54-59.
4. Забарчук Е. Л. Деятельное раскаяние в уголовном праве: вопросы теории и практики: дисс. ... к.ю.н. М., 2006. 196 с.
5. Исаев И. А. Право в условиях Великой войны: «правовая мобилизация» // История государства и права. 2015. № 9. С. 3-6.
6. Крепышев А. М. Деятельное раскаяние как основание освобождения от уголовной ответственности: дисс. ... к.ю.н. Нижний Новгород, 2000. 199 с.
7. Миронов И. В. Освобождение от уголовной ответственности в связи со специальными видами деятельного раскаяния (проблемы теории и практики): дисс. ... к.ю.н. Краснодар, 2005. 192 с.
8. О взяточничестве: Декрет СНК РСФСР от 8 мая 1918 года // Собрание узаконений РСФСР (СУ РСФСР). 1918. № 35. Ст. 467.
9. О дезертирстве: Постановление Совета рабочей и крестьянской обороны от 25 декабря 1918 года // СУ РСФСР. 1919. № 99. Ст. 1015.
10. О мерах по искоренению дезертирства: Постановление Совета рабочей и крестьянской обороны от 3 июня 1919 года // СУ РСФСР. 1919. № 25. Ст. 287.
11. О сдаче трофейного имущества: Постановление Государственного Комитета Обороны от 16 января 1942 г. № 1156 // Ведомости Верховного Совета СССР. 1942. № 2. Ст. 128.
12. О суде: Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2 // СУ РСФСР. 1918. № 26.
13. Об амнистии советских граждан, сотрудничавших с оккупантами в период Великой Отечественной войны 1941-1945 годов: Указ Президиума Верховного Совета СССР от 17 сентября 1955 года // Ведомости Верховного Совета СССР. 1955. № 17. Ст. 345.
14. Основы уголовного законодательства СССР и союзных республик // Ведомости Верховного Совета СССР. 1959. № 1. Ст. 6.
15. Уголовный кодекс РСФСР. Особенная часть. 1922 г. // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 152.
16. Уголовный кодекс РСФСР. 1926 г. // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
17. Уголовный кодекс РСФСР. 1960 г. // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
18. Хмелева А. В. Страницы истории: следствие в годы Великой Отечественной войны (на основе архивных материалов по Воронежской области) // История государства и права. 2015. № 9. С. 23-29.

ACTIVE REPENTANCE AS A FORM OF EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY ACCORDING TO SOVIET LEGISLATION

Molotilkin Sergei Vital'evich
Katanov Khakass State University
okmsvzo@yandex.ru

The article is devoted to the research of the institution of active repentance in Soviet criminal legislation. The peculiarities of the exemption from criminal liability of people guilty of crime on the assumption of the manifestation by them of active repentance and the execution of the prescribed post-criminal actions are singled out and analyzed. The author characterizes the regulatory legal acts, on the basis of which exemption from criminal liability was carried out, and the types of crimes, for which the criminal-legal measures of influencing the guilty were replaced by impunity. The paper focuses on the fact that "exemption from criminal liability" and "impunity" have different meanings.

Key words and phrases: active repentance; criminal liability; punishment; exemption from criminal liability; impunity.

УДК 343.01

Юридические науки

В статье рассматриваются методы доказательства вины в употреблении спиртного напитка, считавшегося уголовно наказуемым преступным деянием в мусульманском праве. Особое внимание уделено вопросам проявления признаков алкогольного опьянения, показаниям свидетелей и чистосердечному признанию правонарушителя. Автором анализируются виды наказания за данный вид преступления, раскрываются особенности подходов представителей различных правовых школ, оформившихся в Арабском халифате. Также подчеркивается актуальность исследуемой темы для российского правоведения.

Ключевые слова и фразы: употребление спиртного напитка; мусульманское право; правовые школы; доказательство вины; показания свидетелей; явка с повинной; виды наказания; исполнение наказания; срок давности.

Нуриев Ахат Дамирович, к.ю.н.

Уральский государственный юридический университет (филиал) в г. Уфе
adn09@yandex.ru

УПОТРЕБЛЕНИЕ СПИРТНОГО НАПИТКА В МУСУЛЬМАНСКОМ УГОЛОВНОМ ПРАВЕ: ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ВИНЫ И ВИДЫ НАКАЗАНИЯ[©]

Одной из наиболее известных особенностей мусульманской правовой традиции был запрет на употребление алкогольного напитка. Согласно нормам законодательства Арабского халифата, данное правонарушение считалось уголовно наказуемым деянием, а его совершение предусматривало достаточно суровое наказание. Употребление алкогольного напитка наряду с супружеской изменой, клеветой в супружеской измене, кражей, разбоем, неповиновением органам власти и отказом от ислама входили в первую, наиболее жестко контролируруемую властями группу преступлений, которые в юридической литературе Арабского халифата именовались *запредельными*. Отличительной чертой данной группы преступлений был тот факт, что виды наказаний за их совершение так или иначе оговаривались в основных источниках мусульманского права [4, с. 764].

Основным признаком, указывающим на совершение лицом исследуемого правонарушения, считалось *состояние алкогольного опьянения*, или, как обычно называют в современной научной литературе, *очевидное присутствие алкогольной интоксикации*. Как известно, алкогольное опьянение обычно проявляется в виде изменений в поведении человека, отклонений психического характера и нарушении координации движения. Большинство теоретиков мусульманской системы правосудия полагали, что подобное состояние, однозначно различаемое любым человеком, является важнейшим доказательством совершения уголовно наказуемого правонарушения. С данной точкой зрения были согласны представители всех правовых школ без исключения. Правда, между ними наблюдались определенные разногласия в вопросе о том, в какой форме состояние алкогольного опьянения может себя проявлять. Известно, что основоположник ханафитской правовой школы Абу Ханифа (699-767) полагал, что основным проявлением алкогольного опьянения является неспособность человека ориентироваться на месте и «различить мужчину от женщины» [8, р. 37]. Другие авторитетные в Арабском халифате мыслители-правоведы предлагали считать пьяным человека, который «не в состоянии отличить плохое от хорошего, собственную обувь от чужой» [ibidem].

Вторым по степени значимости признаком совершения преступления являлся факт *присутствия специфического запаха, исходящего из органов дыхания обвиняемого*. Взгляды сторонников различных правовых